

Тетнадий Владимирович
Парасов

Ливей и Аурей

Повестъ

Геннадий Тарасов
Нивей и Аурей. Повесть

«Издательские решения»

Тарасов Г. В.

Нивей и Аурей. Повесть / Г. В. Тарасов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908092-9

Ангелами не рождаются, ими становятся. Но прежде того — на ангелов учатся. О забавных и не очень похождениях двух студентов-ангелов в небольшом земном городке эта книга.

ISBN 978-5-44-908092-9

© Тарасов Г. В.
© Издательские решения

Содержание

1. На ковре у Господа	6
2. Сосланы. Приморский город Каки	12
3. Перекресток	17
4. Рыночные отношения	25
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Нивей и Аурей

Повесть

Геннадий Владимирович Тарасов

© Геннадий Владимирович Тарасов, 2018

ISBN 978-5-4490-8092-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. На ковре у Господа

Полыхнуло внезапно.
Скандал случился в святом сообществе.

Два ангела, две светлых сущности подрались между собой.

Дрались яростно, неистово, с обширными проявлениями экзальтации и частичным впадением в транс, с деформацией аур и взаимным проникновением в тонкие тела друг друга.

Драка произошла в кампусе Вселенского Университета Ангельского Служения, студентами третьего курса которого, хоть и разных его факультетов, оба являлись. Дерущиеся были друзьями, закадычными друзьями с момента своего поступления в университет, поэтому понаблюдать за столь редким проявлением дружеского единоборства собрался без малого весь наличествующий студенческий и преподавательский состав. Многие делали ставки на исход поединка и заключали пари. Забегая вперед, можно сказать, что никто не был достаточно прозорлив в своих прогнозах, чтобы оказаться в выигрыше.

Рукопашная завязалась сразу по началу третьей четверти квадратичного цикла малого периода средне вселенского безвременья, после обеда, состоявшего по обыкновению из питательных нектаров специальной рецептуры, призванных восполнить потраченные на учение ангельские силы. Вспыхнувшие непосредственно за обедом страсти обрели свой выход в физическое измерение недалеко от выхода из столовой, прямо на центральной надуманной лужайке кампуса, так что большинство потенциальных зрителей уже освободились от занятий и успели подкрепиться, и всем им нашлось удобное местечко для наблюдения.

Поединок, начавшийся как легкий обмен мнениями, быстро определил ментальное неприятие позиций друг друга, и перешел по напряжению интеллекта и накалу страстей на более высокий уровень дискуссии, что в свою очередь привело к резкому и неконтролируемому падению в материальность и непосредственному физическому контакту в максимально доступном виде.

Первым нервы сдали у ангела, известного в студенческой тусовке под именем Белый, или Нивей. Кое-кто был свидетелем того, как вышеназванный ангел вдруг прервал устное общение с приятелем, запнулся и посерел ликом, после чего сплюнул мелкую кипящую каплю слюны с истончившихся губ под ноги друга и тут же вцепился ему в рыжие кудри.

Друга, как можно было уже догадаться, звали Рыжий, или Аурей, и он никак не мог снести такой обиды. Никак. Озорно блеснув янтарем глаз, с криком «А ты кто такой!», он удобно наложил длани на уши своего визави и азартно боднул его широким бугристым лбом прямо в изящный анфас. После чего друзья переплелись всеми своими видимыми и невидимыми телами и покатались по поляне кубарем, благо ничто не ограничивало их в перемещениях.

Трава газона была ярко зеленой, была густой, мягкой и шелковистой, и полностью оправдывала затраченные на свое создание усилия.

Трава приняла тела ангелов деликатно и нежно, как только несуществующее может принять невесомое, и, не ограничивая свободы личности, позволила им катиться в любом из воз-

можных направлений. Равнодействующая их взаимных усилий определила направление качения в сторону арки, обозначавшей одновременно начало поляны и вход в кампус.

На арке, высоко парящей в пространстве, видимая издали всякому, сквозь нее проникающему, пламенела начертанная священными письменами надпись.

Надпись гласила:

«ГОСПОДЬ ОДАРИВАЕТ
И БЛАГОСЛОВЛЯЕТ
ПРАВОЙ РУКОЙ,
ЯВЛЯЯ СВОЮ МИЛОСТЬ.
ЛЕВОЙ РУКОЙ
ОН КАРАЕТ,
РЕАЛИЗУЯ ТЕМ
СВОЕ ВСЕМОГУЩЕСТВО»

Может показаться странным, но лозунг сей – в некоторой степени – раскрывал суть возникшей между друзьями непримиримости, ибо один из них являлся приверженцем Путилевой Руки, другой же твердо стоял на дорожке, ведущей по Пути Правой Руки. Короче говоря, Черный брат схлестнулся с Белым братом.

Происшествие сие было столь неординарным, прямо скажем, из ряда вон выпадавшим, что тут же привлекло к себе личное внимание Господа, который, как известно, и всевидящ, и вездесущ. Поэтому, едва только борцы за истину прокатились под аркой, Господь, не дожидаясь специального доклада, который, конечно же, впоследствии, но позже, изъял их из аутентичного им пространства и перенес пред свои Ясные Очи.

Не обращая никакого внимания на изменение своего местоположения, друзья, сопя и пыхтя, продолжали яростно барахтаться в рукопашном диспуте, и лишь тактичное покашливание Господа отвлекло их от этого занятия.

Услышав скромное бархатное «Кхе, кхе!» над собой, ангелы перестали мутузить друг друга и, как по команде, вскочили на ноги.

Где, собственно, и предстали пред Ясные Очи.

Кроме Очей увидели друзья перед собой Слово в образе плавающей в мягких складочках эфира Улыбки и ее производных. Через мгновение Слово перестало улыбаться, а производные Улыбки превратились в Уста Вопрошающие, которые, однако, ни о чем спросить не успели, потому как ангелы наши, обеспамятствовав, свалились оба в обморок, прямо на то, на чем стояли, утратив форму и забыв суть.

Господь досадливо крякнул и почесал воображаемым перстом в воображаемом затылке. Решив, что так не годится, он произнес «Не годится!», и хлопнул в ладоши. Воображаемые. И тут же предстал в своем Праотеческом образе, в белых одеждах и власах, восседающим на троне драгоценном, в окружении Престолов и прочих домашних, решив не без основания, что этот прикид больше соответствует моменту.

Нетерпеливо сделал Элохим движение рукой в сторону бесчувственных студентов, и те в мгновение ока были воздвигнуты на ноги компетентными сущностями, из прочих домашних как раз, которые ничем себя не проявляли, пока не возникла в них надобность.

Ангелы, восстав на ноги и увидав перед собой Вездесущего, сразу же пали ниц и распростерлись.

– Ну, я так не могу! – воскликнул Эль-Кадош и нервно озирнулся на услужливых Престолов. – Что они все валятся и валятся? Эй, вы, быстро поднялись, а то я за себя не ручаюсь!

И для вящей убедительности грозно сверкнул Очами.

Студенты, хоть напрямую сверкания Божьих Очей и не видели, только отблеск, но почувствовали спинами жар, посыл уловили правильно и, цепляясь друг за друга слабыми своими руками, скоро и споро поднялись от ниц до тыц.

И, памятуя о сиянии, потупились. Хоть и понимали, что все равно не спасет. Если что.

Откинувшись на троне, уперев крепкие в локтях руки в округлые колени, Пастырь добрый единый миг всматривался в предстоящих пред Ним. За этот миг ангелы успели умереть, вновь родиться и снова умереть.

– Ну, – наконец спросил Краеугольный Камень грозно, – в чем дело?

Ангелы задрожали осиновыми листьями на ветру, и вновь вознамерились ретироваться в обморок. Сущий поднял предостерегающе перст, и свое намерение друзья оставили без исполнения. Даже позабыли о нем, напрочь.

Господь ждал ответа, пауза затянулась, тучи сгущались, и первым, как более тонко организованный, решил нарушить молчание Белый. Решившись, он легонько подтолкнул вперед себя Рыжего. Тот, оглянувшись, подумал другу благодарность, которую без труда прочел в его мыслях Еммануил.

– Но-но, – сказал он. – Даже не думай! Отвечай лучше по существу, раз вызвался. Что вы там не поделили, а?

– Да я, собственно, не вызывался... – начал было оправдываться Аурей, но поняв, что это бесполезно, не стал и продолжать. Помолчал и передернул плечами, за которыми совсем не ощущал своих крыл. – Поспорили мы. Маленько, – сказал он, наконец.

– Так, поспорили, – удовлетворился ответом Ветхий. – И кто же был зачинщиком... спора?

– Он! – снова первым нашелся с ответом Белый и ткнул указующим пальцем в бок друга. Под ребро.

Рыжий мучительно улыбнулся.

– А, позвольте полюбопытствовать, каков предмет ваших разногласий? В чем их суть! – продолжал докапываться до сути Вечный.

– Мы разошлись во мнениях, Ваше... Наше... Отец, касательно того, как следует относиться к роду людскому, – собравшись, наконец, с мыслями стал объяснять Аурей. – Коротко говоря, все последнее время мы с моим добрым другом ангелом Нивеем пребывали в раздумьях о будущих перспективах человека, как феномена, и человечества, как концепции.

– Ага, в раздумьях пребывали...

– Да, Ваше... Отче, пребывали, – продолжал Аурей. – И пришли к согласию, что перспективы туманны, что налицо определенный кризис, и что из сложившейся ситуации следует, не медля, выходить.

– Так, выходить...

– Да, Наше... Свет Миру, выходить. Но вот в вопросе выбора средств и инструментов, и, собственно, в направлении выхода во мнениях мы слегка разошлись.

– Представляю, что бы было, если бы вы сильно разошлись во мнениях! – весело закричал Неусыпный. – Вы бы мне дыру в мироздании проломили! Ах, какие молодцы! Но, продолжай, что там с инструментами? Что предлагаете? Ну-ну, мне это и самому интересно!

– Ну, – продолжил отдуваться Рыжий, – с одной стороны, перевоспитывать с любовью и терпением. С другой же стороны – карать беспощадно и неумолимо отбраковывать. Вот здесь у нас и нашла коса на камень...

– И брызнули искры во все стороны! – подытожил догадкой Творец.

– Я все понял, – объявил Он через мгновение, весело хлопнув себя ладонями по коленям, от чего окружавшие Его Престолы радостно заулыбались и зашелестели крыльями – Тут и понимать нечего! Налицо классический спор о выборе Пути Правой или Путилевой руки. Черный Брат с Белым Братом устроили перебранку. Обычное дело! Все та же нескончаемая прятка, которая не утихает с самого начала эксперимента. Век уже все спорят, сами не зная, о чем! А ведь было сказано: не моги! Чтобы прекратили, значить! Чтобы не вздумали! Было?

– Ибо сказано: спорь обо всем, кроме власти Божьей! – пролепетал оправдание Рыжий.

– И это правильно! – согласился Дух Истины и, предупреждая дальнейшие возражения, воздвиг Он указательный десной перст и погрозил им.

Ангелы согласно и покорно закивали понуренными головами.

– Ослушники! – окончательно и бесповоротно пригвоздил нарушителей Шемхамфораш.

Студенты тут же почувствовали себя жидко. И частично – мокро. В общем, один почувствовал себя жидко, а второй – мокро.

– И, дайте-ка, я угадаю, – продолжил Альфа и Омега, – кто у нас тут Черный брат? Конечно же, ты! – указал Он на Белого.

Нивей, как подкошенный рухнул на колени, при этом стало ясно, потому что проявилось, что именно он чувствовал себя все время мокро. И жидко, кстати, тоже он. Что не мудрено.

Мановением руки Утешитель отменил все страхи и опасения Белого и восстановил его на ноги.

– Не дрожи, аки заячий хвост, ибо я тебя не осуждаю ни в коей мере, – успокоил Любовь ангела. – Как, сообразно, не привечаю и не выделяю отдельно и твоего друга за то, что он выбрал быть Белым братом. Это личное дело каждого, кем быть, кому и как служить. Свободу воли вам даровал я сам, даровал и вменил в обязанность для всеобщего употребления, и отменять ее не собираюсь. Поэтому...

Испытующий Сердца и Внутренности снова задумался, на этот раз на неопределенно долгий миг. Потом неожиданно спросил:

– Так что же все-таки Нам с ними делать?

– С кем? – не сообразили сразу студенты.

– С людьми, с кем же еще? – поясни Ветхий Денми. – Как с феноменами? Как оценить концепцию? Куда ее двигать? А? Что с вами, голубями, делать, я как раз уже знаю.

Ангелы переглянулись и пожали плечами.

– Не знаем, Господи, – сказал Рыжий. – Единого мнения у нас нет. Не пришли еще... Не успели.

– Слишком мало данных, я считаю, – добавил Белый.

– А вот это я понимаю, – сказал Господь. – Вот это следует исправить.

И, расправив плечи и величественно воссев на троне, Дух Истины воздел десницу и провозгласил:

– Повелеваю! Вам, двоим, про учебу в Университете – забыть! В наказание за проступок, за драку вашу рукопашную, и во искупление вины отправляться на Землю, в приморский город Каки. Быть там, служить моей вящей славе, набираться ума – разума. Собирать, значить, данные, которых не хватает.

– Надолго ли, Господи? – заплетающимся языком спросил Белый.

– Навечно! – отрезал Вечный. И, довольный произведенным эффектом, засмеялся.

– Что, обос... Испугались? А вы как думали? Все вам игрушки? Нет, мотыльки мои, вины без ответа не бывает. В общем, запоминайте, другой раз повторять не стану. Вы должны составить себе твердое и обоснованное мнение о людях, чтобы смочь коротко, но внятно доложить мне, достойны ли они... Ну, в общем, заслуживают ли Наших дальнейших усилий. Только, детки, смотрите, какая тут тонкость есть. Не собирайте негатива, его для приговора как раз предостаточно, и большего уже не нужно. А вот для оправдания фактов не хватает. Ищите их! Любые! Сгодятся ум, проницательность, жертвенность, доброта... И, конечно же, любовь!

– Но разве всего этого мы не видели у людей раньше, Отче? – робко спросил Нивей.

– Никто этого и не отрицает. Было! И есть! Но и сомнения ведь остаются, они никуда не исчезают, не рассеиваются. Сомнения в способности Человека к дальнейшему, пусть и не скорому – а мы ведь никуда не торопимся, верно? – восхождению и росту. Вот, даже вы из-за него друг другу в волосы вцепились. Поэтому, ищите, выискивайте все, что сможет нас всколыхнуть и удивить еще в этом плане. Помните, что Человек – мое любимое дитя, хоть и капризное, и своевольное, и в чем-то не оправдавшее... Повелеваю! Быть по сему! А там посмотрим, что с вами делать. Может, что и сделаем. Ну, вы еще здесь? Прочь!

И Эль-Кадош то ли совершил жест отстранения и удаления, то ли подумал что такое, а может все случилось само собой сообразно его Божьей воле – они не уразумели. На друзей вдруг накатило нечто вроде смертного беспамьятства, а после так же самотеком откатило, и в следующем фрагменте дискретности они осознали себя уже посреди неведомого им града.

Они стояли посреди пустынной площади, открытой во все стороны, и ветер овеивал их свободно.

И было им откровение, что лежит, распростертый, пред ними приморский град Каки.
Как и было сказано!

2. Сосланы. Приморский город Каки

И тут неожиданно ангелов проняло, они поняли и осознали – это Каки!

Они – в Каках!

– Что это еще за Каки такие? – подвесил в воздух вопрос недовольный Нивей и потянул носом, принюхиваясь. Ощущать запахи – едва ли не единственное из того, что было доступно ангелам в материальном мире. – Пахнет соответственно, – резюмировал он. – Как и должно пахнуть в Каках.

– Ну, что ты несешь, бледнолицый брат мой? – возразил другу Аурей. – Что ты смыслишь в том, как должны пахнуть Каки?

– Каки, каки, – уточнил Нивей.

– Ах, каки! – понял и оценил, наконец, глубину его мысли Рыжий.

Они осмотрелись.

Ангелы явились земному миру и утвердились в нем посреди, надо полагать, центральной площади города. Площадь была просторна, залита солнечным светом, прожарена его огнем и выметена резвым ветром. От раскаленной плитки, бледно серой и розовой, которой площадь была недавно заново перекрыта, устремлялись вверх дрожащие потоки горячего воздуха. За спинами у них высилось большое, похожее на Дом культуры и бывшее им, здание с огромным портретом какого-то человека в расстегнутом пиджаке и с доброй улыбкой в пол-лица на фасаде. А прямо перед ними, чуть поодаль, за веселым бетонным заборчиком, украшенным религиозными символами, высилась красивая бело-голубая церковь. Маковки ее куполов плыли куда-то по синему-синему небу во славу Господню. Ангелы впервые увидели воочие культовое сооружение земного типа, поэтому торопливо осенили себя крестным знаменем и поклонились в пол, благодаря Творца за предоставленную им соответствующую возможность.

Когда формальности были соблюдены, Рыжий ухватил друга мосластой рукой за одежды и потянул его за угол Дома культуры.

– Каки, говоришь? Дурно пахнет, ага... А вот, пойдём-ка, я тебе нюх прочищу, – приговаривал он. – А заодно и должок верну. Нехорошо, когда должок есть. Надо отдавать, да...

– Что ты, что ты! – забеспокоился Нивей. Почуввав неладное, он стал вырываться из дружеских объятий Рыжего. Он упирался, как мог, он растопыривал локти, он изворачивался крыльями – тщетно все. Физические возможности были явно предпочтительней у Аурея, он был и повыше, и шире в кости – ну, своей, ангельской кости. Сильней он был, если говорить по-простому, а кто сильней, того, как известно, попробуй не послушать. Единственное, что могло бы спасти Белого от взбучки, это если бы он снова психанул, как намедни в кампусе, но, застигнутый врасплох, никак не мог выйти на требуемый для этого уровень экзальтации. В общем, мало-помалу, увлекал Рыжий заклётого своего дружка за угол дома, где предвидел наличие укромного местечка для короткого, но решительного объяснения.

– Да подожди же ты! – взмолился, наконец, Белый. – Ну, что ты, ей Богу! Ну, поспорили мы, и что такого? Каждый имеет право на личное свое мнение.

И он неистовым каким-то образом воспротивился увлекающей его в не желаемое грядущее силе и – о чудо! – сумел превозмочь ее на короткое время и даже остановить неумолимо двигавшийся на него айсберг.

– Ну, ты фрукт! – воскликнул Рыжий, останавливаясь. При этом, он сжал руку Белого, словно жимками, и подтянул его к себе ближе. – Ты на самом деле не понимаешь, или, по обыкновению, прикидываешься?

Белый пожал плечиками и бледно улыбнулся.

– Ну, подрались... Подумаешь! – проямлил он, скаля зубы.

– Да при чем здесь драка! – продолжил заводиться дальше Рыжий. – То, что подрались, это нормально. Это даже хорошо. А вот то, что ты меня перед Испытующим сердца и внутренности подставил, вот это плохо. Это очень плохо. И за это тебе придется ответить...

– Так, для твоего же блага, – проямлил Нивей.

– Эва! – удивился Рыжий. – И в чем же здесь, по-твоему, мое благо?

– А в том! – почуяв перемену и малую возможность для приемлемого разрешения ситуации, торопливо зашептал Белый брат. – В том, что я уступил тебе право напрямую пообщаться с самим Саваофом. Когда б еще тебе такое счастье выпало?

– Уж больно это счастье на подставу похоже! – не унимался Аурей. – Вот сам бы и общался, тем более что ты как раз и драку начал. Ты же меня зачинщиком выставил!

– Оба мы хороши были, что уж вспоминать теперь, – продолжал карабкаться наверх Белый. – Но прошу учесть, что для друга, для тебя то есть, мне ничего не жалко!

– Ах, ты! – выдохнул в изумлении Аурей и весело, запрокидывая рыжую кудрявую голову, засмеялся. – Вот же вьюн! Всегда вывернется. Подлец, но люблю!

Он отпустил руку друга и, поднеся к его носу увесистый и мозолистый свой кулак, предупредил:

– Последний раз. Попомни! Больше спуска тебе не будет. Это последний раз!

– Ладно, ладно, – нашелся, что ответить Белый. – Кто знает, как оно все дальше сложится. Глядишь, и я буду условия ставить. Поживем, Бог даст, увидим.

И, склонившись и растирая ущемленную руку, полоснул он снизу вверх коротким синим ятаганом взгляда.

Но Рыжий, зная достоинства друга, не расслабился до срока.

– Но-но, – подтвердил он установку. – Я сказал: попомни! И для окончательной убедительности сунул все еще парящий навесу кулак в самый тонкий нос Нивея.

– Хорошо, хорошо! – сразу с готовностью и охотой согласился тот, отворачиваясь от аргумента с презрением. – Я же сказал, что понял!

И, выдержав достаточный отрезок времени, легко пальчиком отвел весомый довод в сторону.

На этом конфликт, собственно, был исчерпан, и друзья наконец смогли приступить к выполнению того, ради чего они сюда, в Каки, прибыли.

Но для начала им еще следовало стать на ангельский учет. Процедура была стандартной, касалась всех входящих и выходящих, и избежать ее могли только существи более высокого порядка, обладавшие полной свободой перемещения и тайной меткой установленного образца.

– Ну, что, где у них тут комендатура? – спросил Белый, отправив вопрос в незнакомое и потенциально опасное пространство.

– Не дрейфь, – откликнулся Рыжий. – Сейчас определимся на местности. Где-то я видел указатель...

Он покрутил головой в поисках знаков, тайных для местных аборигенов и явных для всех остальных, и быстро их обнаружил. Знаки весьма грамотно были наложены поверх портрета на фасаде Дома культуры. Ясными символами они светились прямо на лбу у улыбающегося мужика в расстегнутом пиджаке, который даже и не подозревал о том, какую пользу приносит невесть кому. И хорошо, что так, надо сказать, иначе, в соответствии с местными традициями, предоставление пользы было бы немедленно монетизировано.

– Вот, указатель! – радостно воскликнул Аурей. – Я же помню, что видел. Теперь не потеряемся.

Следуя указаниям, они быстро добрались до комендатуры, которая, кстати, располагалась тут же, на площади, на чердаке переоборудованного в торговый пассаж старого кинотеатра. Местные, естественно, ни о чем таком не подозревали.

Предупрежденный об их прибытии, комендант уже ждал.

– Как добрались? – спросил он ангелов вместо приветствия.

– Быстро, – отвечивал Белый. – Долго искать не пришлось.

– С указателем вы славно придумали, – подхватил Рыжий. – Креативненько так.

Комендант смущенно улыбнулся. Было видно, как приятно ему похвала, и это наводило на очевидную мысль, что идея с использованием портрета в качестве основы для нанесения знаков принадлежит ему. Да, собственно, кому же еще? Ведь это его прямая обязанность.

– Эта, – сказал комендант, – меня предупредили, что не следует вам мешать, поэтому путаться у вас под ногами не буду. У меня, честно говоря, и без вас хлопот хватает. Округ

большой, а я в нем один. Я и комендант, и околоточный, и благочинный – един в трех лицах. Сотрешься о пространство, носясь с места на место, пока тебя заметят. Ну, а чтобы оценили, про это и вовсе молчу. Из разночинцев ведь мы... Поэтому, если что нужно, говорите сразу, потом я сам не знаю, куда меня занесет.

Друзья переглянулись и пожали плечами.

– Ничего не нужно! – ответили хором. – Все есть!

– Вот и ладненько, – резюмировал комендант. – А если нужда появится – вызовете, тут написано, как. Он указал на тайные знаки на стене. – По сему, не мешкая, откланиваюсь.

Он опустил глаза и пропал из виду.

Друзья некоторое время оторопело смотрели на внезапно опустевшее место в пространстве.

– Надо же, разночинец, – протянул, наконец, Рыжий. – Это кто же такие, разночинцы?

– Ась? – вновь, сверкнув глазами, явился под крышей на прежнем месте комендант.

– Ничего, ничего! – созвучно успокоили его ангелы.

– А и ладно! – успокоился комендант.

Он снова погасил глаза и пропал, теперь уж окончательно.

Ангелы-попаданцы, попридержав дыхание, выдержали молчаливую паузу, достаточную для того, чтобы быть уверенными, что уж теперь-то они остались одни. После чего одновременно выдохнули и расслабились. Белый хлопнул в ладоши и стал потирать одну руку другой, Рыжий же подошел к слуховому оконцу и посмотрел наружу, где, неосведомленная об их прибытии и потому к нему равнодушная, бурлила местная разновидность жизни. Понаблюдав какое-то время за ее проявлениями, попадающими в поле зрения, он удовлетворенно хмыкнул и, повернувшись к товарищу, спросил:

– Ну, с чего начнем миссию?

Нивей перестал тереть руки и устремил к другу свое остренькое птичье лицо.

– Для начала надо бы уяснить, в чем миссия заключается, – с вызовом заявил он. – А то послать послали, а никакого полетного задания или там предписания не выдали.

– Ты бы не шумел по-пустому, – сразу предложил перейти к конструктиву Рыжий. – Или ты думаешь, что Яхве слова на ветер бросает? Он, конечно, Пастырь добрый, но справедливый, и я тебя прошу, прикуси язык свой ангельский, пока он не подвел по монастырь и меня вместе с тобой.

– А я что? – поспешно согласился с ним Белый. – Я ничего. Я говорю – конкретики маловато. Надо бы четче задачу сформулировать.

– Да все, в общем, понятно. Нам с тобой надо определиться: карать или все же лучше миловать.

– Это как же нам сделать? Целую вечность до нас над этим думали и ничего не придумали, Господь, вон, сам весь в сомнениях и раздумьях, а мы такие с тобой скорые и деловые, прилетели и сразу все решили! Вот как реально нам это сделать?

– А что, – ухмыльнулся Аурей, – мы такие, мы можем. Да не бойся, справимся. Я предлагаю прибегнуть к теории малых чисел.

– Как это? – спросил Нивей.

– Все просто! – разъяснил диспозицию Рыжий. – Если мы с тобой здесь, в, прости Господи, Каках найдем хотя бы одного человека, которого мы оба захотели бы помиловать, это будет означать, что и на всем человечестве крест ставить рано. Я думаю, что этот человек должен нас чем-то удивить, или даже восхитить. Еще лучше, если он нас в чем-то сможет превзойти.

– Смеешься? – не уловив иронии, поинтересовался Белый. – Разве же это возможно, чтобы человек превзошел ангела?

– Знаю, что невозможно, – прозвонил в грустный колокольчик Рыжий. – Знаю. Но, для чистоты эксперимента...

Нивей с подозрением посмотрел на друга. От острого приступа пронизательности даже зазолотились, словно нити накаливания, редкие волоски на подбородке, раскалился кончик носа.

– Ну да, – сказал он, – для чистоты эксперимента. Если ты рассчитываешь, что я тебе подыграю – напрасно. Ты мою принципиальную позицию знаешь. В драку больше не полезу, но и в поддавки играть не намерен. На что ты надеешься?

Рыжий, рассыпав по плечам огненные кудри, покачал головой.

– Я просто уверен в своей правоте, – отвечал он. – Надеюсь, что и у тебя будет возможность убедиться в том же.

– Посмотрим, посмотрим... – произнес Белый в ответ, нервно улыбнулся и оскалился. – Уж к какому-то выводу прийти должны. В конце концов, иначе нам отсюда не выбраться.

3. Перекресток

Из комендатуры на чердаке бывшего кинотеатра, друзья вновь перенесли на площадь, в самый ее центр, туда, откуда, собственно, и началось их пребывание в Каках.

Утвердившись на плоскости, Аурей раскинул во всю ширь руки и, запрокинув голову, подставил лицо под золотой поток благодати, льющийся из зенита, из переполненного ей солнца. Не удержав восторга, он вскричал:

– Как хорошо-то! Лепота! Благословенно творение твое, Господи!

В отличие от друга, Нивей предпочитал держать свои восторги при себе, если они вообще имели какое-то место. Он лишь поджал губки и потянул носом воздух, демонстративно при-нюхиваясь.

– Каки, – огласил он результаты своего экспресс-анализа. – Каки.

– Унылое ты все-таки дерьмо, Белый, – выразил свое отношение к подходу друга Рыжий. – Зануда ты, и настоящих как не нюхивал. Но нюхнешь еще, гарантирую. Вот, кстати...

Раздался резкий, пробивающий до мороза по коже, до выгиба позвоночника и опрокидывания горизонта скрип тормозов, следом за которым сквозь темное зеркало тишины, зазмеившееся визгливыми трещинами, проник короткий, как всплеск, глухой вскрик. А потом тишина словно вскипела, и площадь накрыл беспокойным валом гул людских голосов.

Аурей, параллельно с восторгами по поводу творения, и вообще, давно уже наблюдал за ситуацией, которая складывалась в непосредственной от него близости, на пешеходном переходе прямо перед ними.

Вот, что он видел.

Короткая улочка вливалась в озеро площади, словно обращенная вспять Ангара в Байкал. Движение по улочке было односторонним, поэтому со стороны площади она была закупорена ядовито-желтым «кирпичом», хорошо и издалека видимым на круглом красном поле запрещающего знака. «Кирпич» висел над другим знаком, синим, на котором в равностороннем белом треугольнике черный человечек бодро преодолевал черно-белые клавиши перехода. Человечек перемещался справа налево, что предполагало стремительность преодоления преграды. Но так было лишь в графическом варианте, на рисунке, в реальности же народ на переходе стоял. Народ ждал, когда же, наконец, прервется этот бесконечный поток автомобилей, чтобы можно было без опаски и риска для жизни перейти улицу. Но машины все шли и шли сплошным потоком, затирая переход резиной своих колес, наплевав на формальное преимущество пешеходов, цинично пользуясь самовольно присвоенным себе правом сильного. И не находилось желающего, смельчака, чтобы это право у них оспорить.

Расчлененный переходом тротуар стелился от автобусной остановки к Центральному городскому рынку, расположенному неподалеку, поэтому народа в обоих направлениях перемещалось немало. Прибытие опальных ангелов в город для его населения прошло незамеченным и никак не сказалось на функционировании городского хозяйства. Все было, как и прежде:

граждане, сохраняя жизни и здоровье, смело стояли на краю тротуара у перехода, посылая оттуда знаки, автомобили, сдержанно урча, двигались мимо них, соблюдая строй, а их владельцы, прикинув к штурвалам, зорко выглядывали потерявших осмотрительность нарушителей конвенции.

К счастью, некоторых погонщиков автотранспортных средств интересовали так же и вещи иного свойства.

Вот к переходу, именуемому в официальных документах пешеходным, подкатила черная Инфинити.

Ее владелец, с напряженным выражением лица сканировавший обстановку по обе стороны от вектора движения, вычисляя возможные опасности и посягательства на свои права, вдруг расплылся в улыбке. Потому что, к счастью, иногда жизнь одаривала и их, реальных авто каторжан, обыкновенными человеческими радостями. Вот и владелец Инфинити неожиданно, но к полному своему удовольствию увидел на берегу тротуара двух девиц в сильно укороченных костюмах. Водитель так изумился этому обстоятельству, что тут же ударил по тормозам, чем несказанно удивил и заставил остановиться перед самым переходом своего стального японского зверя.

Поток машин немедленно прервался, но никто из его непосредственных участников не понял, что собственно произошло и в чем причина смены, так сказать, парадигмы дорожно-транспортной обстановки.

Сбитые с толку пешеходы замерли с двух сторон улицы, выжидая дальнейшего развития событий. Водитель-неформал, понимая затруднительное состояние граждан и свою меру ответственности за него, но обращаясь прежде всего к запримеченным им девицам, сделал широкий жест рукой, приглашая их, а также и все общество в целом, к преодолению пешеходного препятствия.

Девчонки заулыбались в ответ галантному автолюбителю, состроили ему глазки, так же помахали ручками, и, не отводя восторженных глаз от прилипшего к лобовому стеклу – изнутри – лица владельца Инфинити, осторожно нащупали кончиками пальцев зыбкую поверхность перехода и, взявшись за руки стали его преодолевать.

На этом их роль в нашей истории заканчивается, а все основные события начинают стремительно происходить на противоположной стороне улицы, где, скептически оценивая шансы девчонок благополучно добраться до противоположного берега перехода, на самом краю оно, стоял мужичок средних лет и средней комплекции. Звали мужчину Оборданцев Александр Борисович, прозвище у него было Чума, и работал он слесарем на местной автобазе.

Аурей мог бы сказать, что все про мужика он прочитал в Хрониках Акаши, где, как известно, все про всех записано, но на самом деле он пролистал, разумеется, виртуально, лежавший в нагрудном кармане его рубашки в крупную клетку с короткими рукавами паспорт. А про то, что все кличут мужика Чумой – так про то у него на лице написано. И правда, достаточно было только взглянуть на Александра Борисовича со стороны, чтобы так и сказать: Чума! Некоторые еще пытались, по недомыслию или из хулиганских побуждений, перевернуть фамилию Александра Борисовича и обозвать его то Оборванцевым, а то даже Ободранцевым. Но с такими остряками он долго не церемонился, вообще не церемонился, сразу пуская в дело имеющиеся в его распоряжении средства прояснения сознания. И к следующей встрече эти

лица звали его не иначе, как Александр Борисович, а за глаза величали Чумой. Оба варианта господина Оборданцева устраивали вполне.

Был Александр Борисович, как уже указывалось, средней комплекции, то есть среднего роста и весьма средней упитанности. То есть жилистым он был, многожильным даже, жилы его были навязаны узлами и лежали в нужных местах тела буграми. Лицо же его было плоским, с удлинённым азиатским разрезом глаз, но вся его азиатскость заключалась скорей в повышенной хитрости, которая заставляла его смотреть на мир через постоянный прищур карих глаз. Носил Чума бороду, можно даже сказать, что бородачку, давно не стриженную, но не длинную, не лопатой, а скорей совком, с проседью и застрявшими в ней хлебными крошками и крупными табачными. Волосы его тоже давненько не встречались с ножницами, тоже с проседью, были забраны в хвостик и стянуты на затылке черной резинкой от велосипедной камеры. Эти резинки Борисыч регулярно нарезал кольцами от старой камеры, и всегда имел несколько про запас, поскольку прочность у них была никакая. Только, как он ни старался упорядочить причёску, несколько прядок все равно постоянно выбивались из-под резинового гнета и налепали на глаза, отчего он выглядывал из-за них, словно из-за куста. Никогда не знавшие утюга брюки, в которые был облачен Чума, традиционно сползали с бедер и держались за копчик, по крайней мере, сзади. А, может быть, он просто держал их руками, засунув оные в карманы по самые локти. В общем, к описанной картине следует добавить еще скуренную на три четверти «Приму», которую он, скалясь, сжимал в углу рта черными и прокуренными зубами. Смолистый дым сигареты ел правый глаз, Александр Борисович, отстраняясь от него с целью минимизировать раздражающее воздействие продуктов горения табака, внимательно, как уже говорилось, следил за перемещением девиц по переходу, а так же за действиями других участников движения, совсем не торопясь сам вступать в эту воду.

За спиной у Чумы, дыша ему аккуратно в хвост на затылке здоровым пивным духом и периодически туда же отрывивая, стоял тучный краснокожий мужик в одних красных с крупными зелеными цветами ситцевых трусах до колен, по виду – типичный курортник. Имени его никто не удосужился узнать, мужик спешил, был раздражен и хамоват по натуре, и что с таким, спрашивается, связываться?

– Э, мужик, ты че тормозишь? – полюбопытствовал он душевно, но силло у Чумы.

Александр Борисович молча оглянулся на нечаянного эпизодического собеседника через плечо, мол, шотакое?

– Ты идешь, нет? – не унимался, и даже настаивал на своем курортник.

– Торопишься, что ли? – полюбопытствовал Чума.

– Спешу! – с вызовом обнажил амбиции мужик. – Ну-ка, дай-ка!

И, отгеснив Борисыча в сторону тушей, краснокожий мужчина в красных труселях вывалился – именно так и получилось у него – на переход.

В это время со стороны площади, из потока пересекающих ее по разрешенному радиусу машин, прямо под запрещающий знак «кирпича», точнехонько на переход вывернула крутая иномарка типа Тойота Прадо, черного цвета. Надо сказать, что подобные маневры далеко не редкость среди местных владельцев навороченных авто. Когда им очень нужно, и они могут

себе позволить, они себе это так позволяют. Местные, из тех, кто лишен блаженства собственноручного управления транспортным средством, знают этот обычай другой половины общины, поэтому, ступая на улицу с односторонним движением, всегда внимательно посмотрят в противоположном направлении. Во избежание.

Но обладатель роскошных красных трусов с зелеными цветами был не местным, и этого местного обычая не знал. За что и поплатился.

Наскочившая на переход Тойота боднула удивленного таким обхождением туриста высоким хромированным бампером, после чего бесцеремонно подмяла его под себя. И что бы она с ним еще учудила и сотворила неизвестно, если бы кто-то внутри нее не ударил по тормозам. Вот тут-то и раздался тот их визг и скрип, который привлек к себе внимание наших ангелов, отвлекши их, соответственно, от безмятежного созерцания окружающего благолепия. А следом прозвучал и куда как более тихий крик явно свернувшего на стезю страданий курортника, чьи красные трусы страстотерпца уже торчали из под поджарого, словно бык трехлеток, внедорожника.

Щелкнув замком, откинулась дверца джипа, и из него резким броском бультерьера выбрался водитель. Был он высок, упитан и хорошо накачан, стать его не скрывали легкие шорты, застиранная тенниска с воротником апаш, и, конечно же, сланцы на босу ногу внушительного размера. Его коническую, как корнеплод сахарной свеклы, голову покрывал коротко стриженный бобрик белобрых волос. Короткий, аккуратный прямой чубчик напознал на узкий лоб почти до бровей. Толстая шея и тонкая кожа лица молодца пунцовели от удивившего в них гнева.

В два прыжка оказавшись у распростертого на асфальте тела в красных трусах, молодец, в состоянии возмущения и аффекта, принялся пинать его ногами.

– Ты куда, сука, лезешь? – спрашивал он напряженным голосом незадачливого торопыгу. – А глаза дома забыл?

Обхватив руками сломанную, а теперь еще и ушибленную ногу, мужик заголосил пуще прежнего.

– Да я, да ты, а вот... – пытался разъяснить он мотивы своего поведения жаждущему докопаться до истины бультерьеру. Впрочем, тщетно. Гораздо больше причин того уже волновали последствия.

– Лучше бы ты яйца дома оставил, – втолковывал красноречивый молодец пострадавшему, сопя и поступательно сатанея. – А глаза еще одни взял бы, запасные, скотина!

В толпе, окружившей, как водится, место ДТП, раздалось что-то похожее на ропот, так, слабый эмоциональный всплеск. Но и его оказалось достаточно, чтобы владелец джипа обратил на него внимание. Опустив занесенную для очередного пинка ногу, он оставил на время в покое красные трусы, и, повернувшись кругом, оглядел свидетелей происшествия. Его свободно и латерально висящие руки в кистях демонстративно приняли форму мячей для регби, после чего медленно приподнялись до уровня солнечного сплетения условного спортсмена.

– Что такое? – выразил он свое непонимание настроения толпы. – Я-таки не понял! Тут кто-то что-то сказал, или мне показалось?

Он оглядел всех, столпившихся вокруг него, видимо, выискивая буйных и достойных особого внимания, поворачиваясь по-волчьи всем корпусом вместе с отстоящими от него на приличное расстояние спортивными снарядами.

Буйных не нашлось, а достойными были практически все, но и те куда-то вскоре делись, в общем, через минуту свидетелей этого досадного инцидента с участием пешехода и автомобилиста не осталось вовсе.

– Что за невезуха! – громко сокрушался на нелояльность судьбы джентльмен в рубаше с воротником апаш. – И всего-то соточку накатило для настроения, так надо же было вляпаться в это дерьмо... Ну, где справедливость, спрашивается?

Справедливости, конечно, не было. Более того, ее и быть не могло – для людей и среди людей, на что, кстати, мотивируя свою позицию, неоднократно указывал своему другу Белый.

Тут белобрысый качок обнаружил, что, справедливо поучая виновника происшествия пинковым методом, так называемым пинкапом, порвал вьетнамку на правой ноге. Ладно бы на левой, она у него рабочая, но на правой! Он взвыл от негодования и вновь подступился к страдальцу. Тот, осознавая всю тяжесть бремени и меру ответственности, а так же из предосторожности практически сразу впал в кому. Притворялся, конечно, но чего не сделаешь, чтобы сохранить самое ценное из того, что у него еще осталось?

И вот тут на авансцену выступила полиция в лице двух инспекторов ГАИ.

Патрульная машина прибыла на место происшествия почти сразу, даже чуть раньше, поэтому можно сказать, что все происходило под присмотром властей. Полицейские, выйдя наружу из авто и завалившись на его капот, каждый со своей стороны, в происходящее до поры не вмешивались. Вяло переговариваясь между собой, они контролировали ситуацию. И не зря контролировали. Когда главный герой эпизода вознамерился повысить градус беседы по душам с другим героем, тоже главным, только временно находящимся в горизонтальном положении, пора для введения событий в русло властных полномочий настала.

Один из полицейских, оторвавшись от жаркого капота патрульной машины, подошел к белобрысому и нежно взял его под локоток.

– Пошли, – сказал он тихо, увлекая того за собой, – пошли.

Водитель Тойоты не нашелся, что возразить, лишь кивком головы указал на распростертое у его ног тело, как бы прося войти в его положение.

– Нет, – сказал полицейский, – не стоит. Чревато.

Владелец джипа сразу впал в депрессию. Он видимым образом обмяк, у него даже опустились приподнятые для конкретного разговора руки, после чего он безропотно дал себя увести и усадить в патрульное авто. Лицо его все так же пунцовело, хорошо гармонируя с синим цветом служебной машины. Перед посадкой апаш снял с ноги порванную вьетнамку и метнул ее в красные трусы. Судя по жирному хлопку и последовавшему за ним произвольному «Му» пострадавшего – попал, причем плашмя и по животу.

И вот тут, дождавшись своего выхода на авансцену, к невинно пострадавшему, но заслуженно поплатившемуся обладателю красно-зеленых трусов приблизился Александр Борисович Оборданцев, до того наблюдавший за происходящим со стороны.

– Что, успел? – спросил он у потерпевшего.

– Чего? – вынырнув из мнимой комы, выразил свою уже полнейшую отстраненность болезный.

– Ты все спешил куда-то... – подсказал ему Чума.

Мужик закатил глаза и затрясся, уже реально, представив, что оставшуюся часть отпуска ему придется проваляться на больничной койке. Тут, кстати, подкатила скорая, и медики начали свою привычную суетную подготовку к транспортировке тела.

– Вижу, что успел! – удовлетворенно заключил Чума, и, от щедрот своих, пожелал: – Ну, будь здоров! Счастья тебе и хорошего настроения!

Отвернувшись, с невозмутимым видом привыкшего ко всему и всякого повидавшего человека, Чума быстро смешался с людским потоком, неотвратно стремящимся к рынку, и где-то там, через пол квартала от перехода, словно закрученная против часовой стрелки вода в сантехнический слив, вливающимся в его распахнутые ворота. Еще несколько мгновений можно было различать мелькание его растоптанных до состояния нано-пленки грязно-синих шлепанцев, еще успел послать некий знак оттопыренный, но застегнутый на муаровую пуговицу, задний карман его брюк, как уже в следующее мгновение его бесспорно яркая индивидуальность была без остатка поглощена тысячегадой, безликой массовой сущностью толпы.

– Ну, что скажете, коллега? – обратился Аурей к Белому, задумчиво изучая еще отчетливый, но уже истончающийся и поступательно тающий с конца эфирный след удалившегося Александра Борисовича Оборданцева. След, слабо пробивавший стальными искрами, был уникален, как отпечаток пальца, и что-то подсказывало Рыжему, что его следует хорошенько запомнить. – Как ваши впечатления от первой встречи с человечеством?

– Реальность оказалось куда как горше, чем виделось с Небес, – отвечал напарнику Нивей, пряча улыбочку, едва тронувшую уголки губ, в редкую бородку, что золотистым пушком укрывала его худые щечки и острый подбородок. – Ужас, ужас, – сказал он, поднимая серые с зеленцой глаза горе, к Небесам, о которых не забывал никогда.

– Что, неужели все так плохо? – с явным сомнением в голосе уточнил Рыжий.

– Я боюсь, что все может стать еще хуже, – не стал приукрашать действительность, какой она ему виделась, Белый. И со вздохом уронил обреченно руку. – Да, собственно, я всегда это предвидел, ты и сам знаешь. К тому же, Каки...

– Но мы же не будем отчаиваться? – спросил друга Аурей.

– Отчаиваться – никогда, – согласился с ним Нивей. – Но вот состраданием запастись придется. Терпением, кстати, тоже.

– Ну, с этим-то у нас полный порядок, верно? – поддержал друга Белый. – Пойдем, пройдемся, что ли?

И посланники Небес отправились со своей инспекцией дальше.

Правда, не сразу.

Перед перемещением в пространстве они не преминули обронить несколько капель своих, ангельских, так сказать, красок в сложившуюся уже к тому времени палитру дня.

Начал Рыжий.

Видя, что санитар намеревается открыть заднюю дверь скорой с целью извлечения из нее носилок, ангел слегка попридержал ее защелку, так, на всякий случай.

Санитар, однако, не привык, чтобы служебная техника ему отказывала, как какая-нибудь капризная девчонка, поэтому сразу же возбудился. После первых двух безуспешных попыток открыть или сломать дверь, в третью он вложил максимум того, что смог отмотобилизовать из потенциала своего мускульного аппарата. Рыжий только того и ждал. В последний момент он элегантно отступил в сторону, не сдерживаемая больше дверь рывком распахнулась и со всего маху засадила санитару в лоб.

– Ни х... себе! – изумился своей силушке и удали санитар и обвел присутствующий восторженно слезящимися глазами.

Всем вокруг стало много веселей, совсем стало весело, особенно Рыжему.

– Вот, – сказал он напарнику, – как бы оно ни сложилось, но мы с тобой уж точно повеселимся. Или мы не настоящие школяры?

– Самые, что ни на есть, настоящие! – отозвался Белый.

И сделал свой ход. По обыкновению – лошадю.

Дождавшись, когда пациента в красных ситцевых трусах для погрузки в авто поднимут на носилках, он легко подул на правую руку второго санитара. Тот, как оказалось, плохо понимал шутки, поэтому дернулся так, словно на руку ему плеснули кипятком, – и упустил ручку. Носилки свободно перевернулись, и пациент вывалился из них туда, откуда только что был взят.

– Ни х... себе! – изумился непредсказуемости бытия второй санитар.

– Изящно, не правда ли? – пригласил друга оценить шутку Нивей.

– Нормально! – отреагировал тот. – Мы же с любовью! Хотя, с другой стороны, контингент здесь грубоват, что есть, то есть. Наивные и непосредственные туземцы. Надо будет потоньше в следующий раз, поаккуратней, а то перекалечатся, как дети малые, ей Богу...

Белый согласно кивнул.

Ангелы ударили по рукам и, под аккомпанемент всеобщего веселья и очагового ликования, переместились туда, куда влекло их за собой массовое перетекание народа – на Какский Центральный рынок.

4. Рыночные отношения

Центральный городской рынок, укрывшийся от летнего уже зноя под огромной односкатной крышей-навесом, кишел, словно перевозбужденный муравейник. В тени навеса жара не была столь вызывающей, а с духотой неплохо справлялись разнонаправленные ветра и сквозняки, даря посетителям и работникам рынка облегчение в виде окрашенных различными ароматами глотков воздуха. Благодаря этому на главной в округе торговой площадке царило оживление, и даже возбуждение, местами бьющее в потолок фонтанами предпринимательский активности.

Удовольствие через избавления от жары ангелам, конечно, не ведомо, поскольку ангелы суть существа призрачные и, с точки зрения жителей Земли, бестелесные, и не испытывают неудобств и страданий от перепадов температуры среды пребывания. Но и им затея с навесом пришлось по нраву, хоть и не сразу.

Все звуки под крышей многократно усиливались, и обычный гул толпы под ней казался не обычным, а чрезвычайным, что ангелам, откровенно говоря, досаждало, особенно поначалу. Тем более что живой шум периодически перекрывался залпами попсы и объявлениями на государственном языке о необходимости и правилах использования туалета, расположенного в дальнем углу рынка у ограды, которые раздавались из колоколов-громкоговорителей, развешенных на столбах по периметру и державших под перекрестным огнем всю рыночную территорию. Время от времени обычный информационно-музыкальный поток перемежался призывами не доверять никому и ничего, и внимательно следить за своими вещами и руками сограждан. И тогда на несколько мгновений наступала тишина. Жители и гости города-курорта с опаской и тревогой озирались, всматриваясь в лица друг друга, на которые напознала тень подозрительности. К счастью, вскоре тучку недоверия и бдительности уносило дежурным ветерком прочь, и лица вновь озарялись улыбками, а замершая было жизнь мощным потоком вновь устремлялась вперед и дальше, в омут торговых отношений.

Разобраться во всех потоках и подспудных сплетениях энергий сразу посланцам Горних высей было нелегко, но довольно быстро они с этой задачей справились.

Потому что только на первый взгляд суета, царившая на рынке, могла показаться бесполой. На самом деле, все процессы, и все людские перемещения в этом царстве торговли подчинялись своей жесткой логике и бесстрастному принципу целесообразности. С одной стороны, их определяли, конечно, торговцы всем, что можно продать. С другой, – граждане, желающие купить чего душа желает, а так же – по необходимости – еще чего-нибудь поесть.

У гармонически развитых индивидов душевные склонности совпадали с потребностями плоти в продуктах питания, и таких было немало.

Но были и другие, кто никак не афишировал свои намерения.

Цели этой группы лиц состояли исключительно в перераспределении материальных средств в их денежном эквиваленте в свою пользу за счет беспечных граждан первой и второй категорий. Без их, разумеется, ведома. Эта третья группа специалистов – назовем их так – была не столь многочисленна, как первые две, но, если разобраться, этих специалистов и не могло быть много. И они брали не числом, но умением и целеустремленностью. Брали все, что удавалось взять. Они бледными тенями нарезали круги против часовой стрелки, словно касатки

вокруг косяка сельди, сбивая его в плотную группу, чтобы в благоприятный момент устремиться вперед и решительно поживиться.

Вся эта диспозиция не укрылась от внимания бело-рыжей пары ангелов, когда они удобно расположились над кипящим котлом страстей и вожелений прямо под крышей рынка и оттуда, с высоты полета голубей, стали наблюдать, что за житейская похлебка заваривается внизу под ними.

Им было удобно наблюдать, они видели все, и их интерес к наблюдаемой жизни был неподдельным.

Едва заняв свой наблюдательный пост, Аурей сразу же, среди тысяч копошащихся под ним людских тел, среди невообразимого переплетения их эфирных следов и аур, без труда обнаружил серебристый трек, оставленный гражданином Оборданцевым Александром Борисовичем, известным общественности под псевдонимом Чума. На который, псевдоним, он, кстати, бодро откликнулся с радостной готовностью соответствовать.

– Следи, следи за этим, с лентой на голове! – указал Аурей Белому на Чуму. – Сейчас будет интересно.

Как в воду глядел Рыжий.

Александр Борисович на рынок пришел по делу.

На рынке Александр Борисович покупал огурчики-помидорчики, лучок зеленый, укропчик и прочую петрушку, которую в салат порубить можно. Особое же уважение у Борисыча вызывал базилик душистый, сиречь, камфорный, без которого салат для него не салат, еда – не еда. Базилик он выбирал неизменно самый пахучий, в поисках которого обходил все торговые ряды и места, а так же закоулки, в которых осуществляли незаконную торговую деятельность неучтенные бабушки-торговки. Во внимание принимались также щедрая полновесность пучков и свежий задор бархатных листьев.

Рыжий заметил Чуму как раз в тот момент, когда он, набрав все, что было необходимо, покупал базилик. Опустив полный пакет с продуктами на землю у ног, Борисыч двумя руками держал увесистый пучок базилика и, погрузив до основания в пушистые фиолетовые листья нос, вдыхал его терпкий прохладный аромат. Ангел не мог этого видеть со своего места, но был уверен, что глаза Борисыча, ввиду массового поступления эндорфинов в кровь, в этот момент были закрыты. Что, в свою очередь, хорошо видел некий тип, чью принадлежность как раз к третьей группе лиц определить труда не составляло.

Тип, привлеченный нахальной оттопыренностью заднего кармана штанов Чумы и манящей беззащитностью меланжевой пуговицы на нем, нервно озирнувшись по сторонам, решительно пошел с ним на сближение. Он притерся к Борисычу со спины, он накрыл его, словно старый поношенный плащ, и, высовываясь поверх его плеча и якобы рассматривая петрушку из наличия на прилавке, правую руку свою запустил по направлению к заднему карману брюк клиента. Аурей даже отчетливо услышал, как в мозгу воришки на примитивный мотив зазвучало «без лоха и жизнь плоха»... Рыжий подался вперед, предвкушая ошеломительное дальнейшее развитие событий, и гражданин Оборданцев его ожиданий не разочаровал.

Молниеносно, как ловят ящериц и змей, Александр Борисович бросил руку вниз и схватил карманника где и следовало – на горячем, на кармане. При этом профессионалу тайного промысла не повезло вдвойне, поскольку рука у Чумы только с виду была обычной человеческой рукой, а по факту то были клещи, стальные клещи из тех, что применяют в кузницах. Чума их применял повсюду, и, надо признаться, был чрезвычайно ловок в этом упражнении. В общем, сила и ловкость здесь схлестнулись с одной только ловкостью, так что легко догадаться, на чьей стороне оказался безоговорочный перевес.

Борисович сжал руку воришки стальными пальцами так, что затрещали кости и, вывернув ее вдоль оси, сам повернулся к пройдохе лицом. Не выпуская добычи, Чума невозмутимо наблюдал, как на физиономии его противника проявляется и костенеет гримаса боли. Когда глаза карманника стали совсем стеклянными, Чума решил, что приложенных усилий достаточно, и отпустил того на свободу.

– И кто из нас лох? – полюбопытствовал он.

Воришка отскочил шагов на пять, вытаращив глаза и трясая рукой. Из освобожденной ладони выпала и, звеня и подпрыгивая, подкатилась прямо под ноги Чуме остро, словно бритва, заточенная монета, которой карманники пользуются для разрезания покровов и преодоления пределов.

– Ек-королек! – обрадовался Борисыч. – А вот и писка!

Носком своего шлепанца-говноступа он придвинул монету к себе и наступил на нее.

Сжимая левой рукой поврежденные пальцы правой, по которым струилась и капала на землю кровь, вор зло смотрел на Чуму. Был он худ, горбонос, а под острым подбородком двигался большой, как согнутый палец, кадык. Довершала картину тонкая стальная спица, воткнутая, словно большая игла, в штанину его брюк, вороненный блеск которой бывалый автослесарь разглядел сразу. В общем, натуральный волк-трехлеток, загнанный в угол и жаждущий мести.

Тип зло смотрел на обидчика, из-под короткого козырька пляжной кепочки его глаза кололи, словно еще две отдельные стальные спицы. Но явная и неприкрытая угроза, похоже, лишь забавляла Чуму. Откинувшись спиной на прилавок и вальяжно разместив на нем локти согнутых рук, причем в левой продолжая сжимать пучок базилика, Борисыч насмешливо следил за ритуальными движениями противника. Зеленщица за его спиной, чутко уловив, что что-то нарушилось в привычном порядке вещей вокруг нее и идет не так, как обычно, замерла настороженно, приглушив дыхание и прижав ладонь к груди.

Карманник, зыркнув по сторонам, коротко и негромко, на особый манер свистнул сквозь зубы. И тотчас вскипели, забурлили воды людского моря и, в ответ на призыв, из разных углов рынка пробились и стали рядом, похожие на него, как братья, только одетые в разную, хоть и однотипную одежду, еще четверо. И у каждого, как отметил Борисыч, в правой штанине притаилось до поры по спице.

Пострадавший на работе кивком указал на Чуму, и братки, сжимая полукольцо, двинулись к нему на сближение.

Лицо Александра Борисовича не дрогнуло и не изменилось в цвете, только улыбочка на нем съехала немного к левому уху, как на маске, что, как ни крути, не предвещало желающим поговорить именно легкого разговора. Выждав еще мгновение, Борисыч снял правую руку с прилавка и по локоть запустил ее в пузырящийся карман своих брюк. Покопавшись, он нашел там то, что ему было нужно, и решительно извлек на свет Божий двухсотграммовый слесарный молоток с короткой, перепачканной черной смазкой лоснящейся рукояткой. Инструмент удобно и тепло лежал в привычной к нему ладони. Покачивая молотком, напрямую, на клеточном уровне ощущая его вес и надежность, Чума откровенно любовался инструментом, словно лаская и оглаживая его взглядом. А когда, налюбовавшись, он оторвался от созерцания слесарного артефакта и поднял глаза, в непосредственной близости перед ним уже никого не было.

Никаких братков, с их спицами в штанах и кривыми осколочными ухмылками.

Словно и не было никогда.

Почувствовав, что его кто-то трогает за плечо, Борисыч оглянулся.

– Слышишь, парень, – сказала ему торговка, – раз уж ты с молотком оказался, забей мне тут гвоздь, а то всю ногу, окаянный, мне расцарапал. А травку ты, эта, так бери. За работу.

Борисыч улыбнулся. Жизнь хороша, подумалось ему, так хороша, что нельзя пренебрегать и малой ее крохой.

– Ек-мотылек! – выдохнул он в пространство и любовно посмотрел на базилик, подняв его на уровень глаз и поворачивая так и сяк. – Показывай, тетка, где твой гвоздь!

Борисыч заботливо подхватил с земли пакет с провизией и, оббежав прилавок, юркнул под него. Ну, чисто юноша.

Через мгновение тетка взвизгнула.

– Ой-юшки! Это не гвоздь! Что же ты меня за колено трогаешь?

– А как иначе гвоздь найти? – спросил из-под прилавка Чума.

– Гвоздь там, – подсказала гражданка, – левой... И выше.. выше... Ой, чума...

– Нет, ты видел, как он с этими, в кепочках, разобрался? – восхищенно испросил мнения напарника Аурей.

– Занятный индивид! – согласился Белый.

– Занятный! – взвился Рыжий. – Занятный вон, тот, что по карманам тырит... Тебе, я вижу, не угодить!

– Угодить, угодить... Но пока что неубедительно. Маловато будет! Надо что-нибудь посущественней.

Рыжий надул было обиженно губки, но долго обижаться не пришлось, некогда было ему обижаться, поскольку, покуда Александр Борисович под прилавком улаживал проблему с гвоз-

дем, жизнь вокруг не замирала ни на секунду, и вот уже совсем другой эпизод человеческой комедии привлек к себе внимание ангелов.

У входа на рынок, сразу за пунктом обмена валюты, газетным киоском и выносным стендом с солнцезащитными очками, располагалось предприятие общепита и, к тому же, фаст-фуда под названием «Горячие слоечки». Слоечки – это такие пирожки-полуфабрикаты с разной начинкой из слоеного теста, которые доводятся до готовности к поеданию в микроволновых печах. Такой себе ларец со сладостями и вкусоностями, приманивавший к себе голодный люд совершенно и абсолютно головокружительными запахами, которые невидимой дурманящей сетью накрывали большую часть собственно рынка и, плюс к тому, близлежащие улицы. Надо сказать, что и без волшебных запахов «Слоечки», как их все любовно называли, не были обделены вниманием покупателей. Заведение располагалось на самом «движняке», в проходе, по которому в обоих направлениях всегда перемещались толпы людей, поэтому возле их откидного прилавка, глотая слюну, всегда толпились желающие подкрепиться.

За прилавком «Слоечек» хозяйничала девица с редким по нынешним временам именем Наташа. Это была русая миловидная девушка, пребывавшая на пятом или шестом месяце беременности, стеснявшаяся этого обстоятельства и потому напускавшая на себя дым излишней строгости. Однако пухленькие щечки Наташи пунцовели от жара печей, в которые она ловко загружала противни со слойками, она сама была хороша и аппетитна и, как и в предыдущие дни, к ее окошку выстроилась очередь. Хозяйка заведения следила, чтобы девушка в ее положении ни в коем случае не передала, поэтому бесплатных пирожков ей не полагалось, а все продукты она получала по ведомостям, поштучно. Да, собственно, ей и некогда было подумать о себе, поскольку хлопотала постоянно вплоть до окончания рабочего времени. А иногда, если спрос был большой, то и позже.

Этот день выдался более хлопотным, чем другие, до закрытия оставалось еще несколько часов, а план по выручке был уже значительно перевыполнен. Вот бывают же такие удачные дни, когда все идет как надо, когда все получается. Наташа положила в кассу очередные купюры, и с удовольствием подумала, как обрадуется хорошей выручке хозяйка. Хотя, может и не обрадуется, она вечно чем-то недовольна. Наташа нахмурилась, ее губы сложились в недовольную гримаску, но думать о плохом не хотелось, и она, тряхнув челкой, отогнала от себя недобрые мысли и улыбнулась очередному клиенту, как раз нарисовавшемуся напротив окошка.

Наташа знала, что люди обычно всегда начинали улыбаться при виде ее, но этот был просто сама любезность. «Профессор!» – подумала про него Наташа.

И действительно, мужчина перед ней был похож на профессора, и вообще, с первого взгляда создавал впечатление образованного, интеллигентного и культурного человека. Наташа была попроще во всех отношениях, поэтому перед такими типами благоговела.

Профессор был, как уже упоминалось, мужчиной, лет пятидесяти, чуть ниже среднего роста, плотным и крепко сбитым, то есть фигурой обладал солидной, как и положено профессору. На голове мужчины плотно сидела соломенная шляпа с короткими полями, светло-кремового цвета и с коричневой лентой по тулье. На медно-бронзовом от густого загара лице естественно смотрелась короткая, профессорская же бородка клинышком, совершенно седая, без каких либо следов крашения. Такие же седые усы были коротко пострижены и без грязно желтых никотиновых подпалов, которые Наташа так не любила. Из-под шляпы на нашу труженицу общепита, кстати, совершенно доброжелательно и помимо ее воли располагая к себе, смотрели большие карие глаза в сеточке мелких морщин. Поверх синей, слегка вылинявшей, футболки

на профессоре была надета белая жилетка-безрукавка с лейбой BAD BOYS на левой стороне груди над карманом, а как и чем завершился его костюм внизу Наташа не видела, поскольку возможность видеть в том направлении была ограничена прилавком.

Посетитель положил на узкий, как раз в ширину ладони, прилавок руки с чистыми и отполированными ногтями на коротких сильных пальцах и, улыбаясь, выжидающе смотрел на Наташу.

Молодая женщина почувствовала неловкость и некоторое беспокойство, от этого взгляда и затянувшейся молчаливой паузы, и нервно дернула плечом.

– Что вам? – спросила она у профессора.

– Очень кушать хочется... – извиняющимся тоном произнес мужчина.

– Так берите, пожалуйста, все к вашим услугам, – сказала Наташа.

– Это все слоечки?

– Ага ж, слоечки. Есть готовые, с картошкой и рисом. Есть горячий сыр и ливер, а мясо и курицу придется подождать, пока приготовится.

– А долго ждать?

– Семь минут по таймеру.

В это время, отеснив профессора в сторону, в окошко сунулся какой-то странный тип с растрепанной головой. Был он худой и длинный, на голову выше профессора, поэтому ему пришлось изогнуться, чтобы пролезть прямо к Наташе.

– А какие сигареты есть, красавица, я что-то не вижу, – скороговоркой и не вполне разборчиво спросил тип.

– Так на витрине все есть, смотрите сами! – ответила Наташа.

– На витрине... – протянул тип и убрался из окошка. Было видно, как он водил носом по стеклу с той стороны, выискивая нужные ему сигареты.

Наташа неожиданно почувствовала, как внутри нее нарастает раздражение.

– Ну, что? – спросила она профессора. – Слойки берем?

– Эх, молодежь, им бы только покурить, – откликнулся невпопад профессор и благожелательно посмотрел в сторону любителя сигарет. – А мы давно уже не курим, нам бы поесть...

– Так берите!

– А что есть?

– Слоечки! Я вам уже сказала, что есть. Сыр, картошка, рис, ливер... Курицу надо подождать.

– И почему? – спросил профессор.

– По деньгам! Все по деньгам! По вашим по деньгам! – повышая голос и чувствуя, что закипает, скороговоркой ответила Наташа. – Недорого, вы все можете себе позволить. А цены вот здесь, в прејскуранте указаны, можете изучить.

– Ага, по деньгам... – протянул профессор и потянулся глазами в меню, которое действительно висело справа от окошка, оформленное разноцветными фломастерами.

– А без фильтра курево есть, или все только с фильтром? – вновь сунулся в окошко долговязый. – Я тут у вас не разберусь.

– Да что же вы за курильщик такой, если разобраться не можете? – отрезала Наташа. – А вам без фильтра и нельзя, сдохнете! – неожиданно с жаром добавила она.

– А что ты на меня кричишь? – спросил обиженно долговязый.

– Да задолбал уже! – откровенно поделилась накипевшим Наташа. – Без фильтра сигарет нет, только с фильтром!

– Скоро там? Что снова застряли? – раздалась первые недовольные возгласы из застопорившейся очереди.

– Да что-то товарищ тормозит! – объявила всем причину задержки Наташа.

– Товарищ не тормозит, товарищ выбирает, что бы ему съесть, – парировал обвинения профессор. – Приличный человек не может есть, что попало. И не должен что попало есть. И не будет.

– Ну, и? – спросила Наташа, пунцовея все больше. – Выбрали?

– Почти, – ответил профессор. – А, скажите, с курицей – вкусные пирожки?

– Вкусные, – подтвердила Наташа. – Как по мне – самые вкусные.

– Ну, хорошо, положусь на ваш вкус. Дайте две.

– Придется ждать?

– Я подожду.

Чувствуя странное оупение, Наташа мгновение постояла неподвижно, не в состоянии сообразить, что ей делать. Потом, очнувшись, полезла в холодильник, достала два полуфабриката с курицей и положила их на противень. Но отправить в печку не успела.

– А, знаете, я передумал, – сказал профессор. – Давайте одну курицу, и одну слойку с мясом.

– С мясом? – переспросила Наташа. Она почувствовала, что в голове ее вот-вот заработает гейзер, то есть что-то там уже готово было ударить фонтаном и снести крышу.

– А нельзя ли побыстрее?! – закричали из очереди. – Кто-там застрял, как слива?

– Ладно, – снова изменил решение профессор. – Возьму с сыром одну и одну с ливером. А то народ волнуется что-то, а эти слойки уже готовы, правда?

– Они в печке, горячие, – согласилась Наташа.

– Сколько с меня?

Снова сунулся в окошко долговязый курильщик, но Наташа на него немедленно зарычала, и он исчез. Она придвинула калькулятор и, с трудом разбирая цифры на кнопках, просчитала то, что и так назубок знала раньше.

Профессор положил на прилавок крупную купюру. Наташа задумалась, соображая, как ей следует давать сдачу.

– А, давайте, я вам помогу, – пришел ей на помощь профессор. – Вы мне дайте это, а возьмите вот это, и вам легко будет посчитать сдачу.

Он забрал у Наташи свою крупную купюру, а на стол бросил две бумажки мелкого номинала. Наташа, совсем не соображая уже, что делает, смахнула профессорские деньги в кассу и выдала ему сдачу, как с крупной купюры.

Профессор с благодарностью принял деньги и завернутые в салфетки слойки, и, словно адмиральский катер, отвалил от окошка, которое тут же приступом стала брать застоявшаяся очередь.

Отойдя от заведения на десяток шагов, профессор передал одну слойку пристроившемуся сбоку к нему долговязому, другую же засунул себе в рот и, удерживая ее там зубами, чтобы освободить руки, снял с головы шляпу и спрятал за подкладку свою крупную купюру. Ту самую, рабочую. Неразменную.

Проделав это, профессор вновь нахлобучил шляпу на голову, и, откусив от слойки с сыром огромный кусок, принялся с наслаждением жевать. Но полакомиться своей честной добычей он все же не успел.

Оставленная, наконец, в покое Наташа, все еще пребывала в прострации. Она машинально открывала и закрывала ящик стола, в котором была спрятана касса, и никак не могла сообразить, что же произошло. Что-то было не так, что-то ее беспокоило. Потому что, сколько она кассу ни открывала, крупной, самой крупной купюры, той самой, с которой она выдала профессору сдачу, она там не находила. Ну, не было ее там, и все дела. И тут Наташа поняла, что ее обманули. Облапошили. Развели, как последнюю дуру.

Вытолкнув руками из окошка чью-то потную физиономию, она высунулась по пояс из заведения и чужим, механическим голосом закричала на весь рынок:

– Держи вора!

Рынок враз умолк и замер в нервической настороженности, словно взведенный курок.

Профессор с долговязым от неожиданности присели, будто на их плечи уже легли тяжелые ладони правосудия, при этом долговязый судорожно проглотил недожеванный кусок еды. А вот профессор глотать не стал, не полезло, и нажеванная сырно-тестовая масса вывалилась из его открывшегося рта прямо наружу, испачкав бороду. Коротко переглянувшись, они бросились бежать, со всех ног, в разные стороны.

Бегство подельников послужило тем самым тонким усилием, которое спустило взведенный курок. Рынок всколыхнулся, взорвался выплеснувшейся энергией и устремился в погоню за беглецами.

Ангелы, Рыжий и Белый, с высоты своего положения с восхищением и азартом следили за разворачивающейся под ним драмой, в которой они вроде и не участвовали. Но Рыжий повел рыжей бровью, Белый шевельнул своим белым пальцем, и вот уже беглецы, споткнувшись, покатались под ноги толпе, и их накрыла и поглотила без остатка бушующая стихия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.